

Е.В. Масловская, М.В. Масловский

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА МАКСА ВЕБЕРА

В статье рассматриваются основные положения социологии права М. Вебера и различные трактовки веберовских идей в работах современных социологов и правоведов. Наибольшее внимание уделяется интерпретациям веберовской социально-правовой теории, предложенным немецким социологом В. Шлюхтером и американским правоведом Г. Берманом. Отмечается, что Шлюхтер стремился систематизировать и развить веберовские идеи, тогда как Берман пытался найти недостатки и пробелы в социологии Вебера, чтобы обосновать свою собственную концепцию эволюции западного права. В статье характеризуются также исследования отечественных ученых, в которых отдельные элементы веберовской теории использовались для анализа развития политических и правовых институтов российского общества.

В трудах Макса Вебера значительное место отведено проблемам социологии права. Следует отметить, что Вебер получил фундаментальное юридическое образование. Как подчеркивают в этой связи американские исследователи С. Тернер и Р. Фактор, юридическое образование и юридический стиль мышления наложили свой отпечаток на всю веберовскую социологическую теорию (Turner, Factor 1994). Социологии права посвящена отдельная глава в работе «Хозяйство и общество». К данной теме Вебер обращается и в ряде других своих трудов. Он характеризует особенности современного западного права и анализирует процесс рационализации права, который получил наиболее последовательное развитие на Западе. Кроме того, Вебер сопоставляет западное право с правовыми системами, сложившимися в других обществах.

При классификации различных исторических форм права важнейшее значение для Вебера имеет понятие рациональности. Согласно Веберу, как правотворчество, так и правоприменение могут быть рациональными либо иррациональными. Они являются формально иррациональными в том случае, когда «используются средства, которые не могут контролироваться интеллектом, например, обращение к оракулам и им подобным. С другой стороны, правотворчество и правоприменение являются материально иррациональными в той степени, в какой решение принимается под влиянием конкретных обстоятельств частного случая, оцениваемых с точки зрения этических, эмоциональных или политических позиций, а не на основе общих норм» (Weber 1978: 656). В противоположность этому, формально рациональным является, с точки зрения Вебера, такое право, которое принимает во внимание

лишь «недвусмысленные общие характеристики ряда фактов» (Ibid: 656–657), а материально рациональным — право, которое опирается исключительно на общие нормы.

Как указывает Вебер, в ходе рационализации права происходит обобщение и систематизация правового материала. Обобщение приводит к выведению ряда общих принципов, в соответствии с которыми оцениваются конкретные факты. Систематизация означает «объединение всех аналитически выведенных правовых положений таким образом, что они образуют логически ясную, внутренне последовательную и — по крайней мере в теории — не имеющую пробелов систему правил» (Ibid: 656).

Систематизация правового материала постепенно становится делом получивших специальное образование юристов. При этом развитие правовой мысли может происходить в двух направлениях: в более эмпирическом и индуктивном либо в более теоретическом и дедуктивном. Примером первого из этих направлений служит английская правовая традиция, а примером второго — римское право и правовая традиция в странах континентальной Европы. Как отмечает Вебер, развитие правовой мысли в значительной степени определяется особенностями того социального слоя, который это развитие осуществляет. «Лишь косвенным образом это развитие происходит под влиянием общих экономических и социальных условий. Преобладающий тип правового образования, т. е. подготовки юристов, имел более важное значение, чем какой-либо иной фактор» (Ibid: 776).

В веберовских трудах рассматривается рационализация как правовой процедуры, так и оснований права. Согласно Веберу, «примитивный» судебный процесс в условиях традиционного господства имел «строго формальный характер», хотя основания для вынесения судебных решений являлись совершенно иррациональными. Не существовало каких-то объективных правовых норм. Исход дела решался обращением к «магическим силам», как правило, через посредство оракула. Но сама процедура такого обращения была крайне формализованной. Малейшее нарушение установленных ритуалов одной из сторон судебного процесса могло означать для нее проигрыш этого процесса (Ibid: 761). Формальный характер современной судебной процедуры определяется тем, что правовая аргументация является рациональной, поскольку она «осуществляется абстрактным и логическим путем и допускает лишь использование средств, которые могут контролироваться интеллектом» (Schluchter 1985: 95).

В отличие от формальной рационализации права, понятие материальной рационализации относится к развитию не правовой процедуры, а правовых норм. Вебер указывает, что на «примитивной» стадии отсутствует понятие объективной нормы. Всякий судебный приговор выступает как конкретное решение, не поддающееся обобщению. Формирование общих норм становится возможным после того, как «правовое откровение» оказывается закрепленным в традиции. При традиционном господстве любые правовые нормы рассматриваются как данные, а не введенные или намеренно созданные. Но при этом традиционное право представляет собой прежде всего набор законодательно оформленных привилегий представителей определенных социальных групп. С точки зрения Вебера, в рамках традиционного права не возникает понятия «универсально применимых норм» (Weber 1978: 698). Выработка данного понятия стала исторической задачей естественного права, которое постулирует возможность выведения правовых норм логическим путем из определенных принципов. Тем не менее, сами эти принципы рассматриваются как данные и не подлежат пересмотру. Напротив, законы должны соответствовать таким принципам, не являющимся юридическими по своим основаниям.

Дальнейшая рационализация связана с развитием концепции позитивного права. Доктрина позитивного права, наиболее последовательную разработку которой осуществил впоследствии Г. Кельзен, обосновывает автономию правового порядка по отношению к религии, морали и любым другим сферам. Как отмечает в этой связи В. Шлюхтер, в

результате процесса рационализации «все право считается введенным и тем самым допускающим изменение. Его основанием становятся не метаюридические, а юридические принципы. Последние носят лишь гипотетический характер, а это указывает на то, что право стало автономным, хотя и не полностью свободным от внешних воздействий» (Schluchter 1985: 99).

В трудах Вебера характеризуются взаимоотношения права и других сфер общественной жизни, в том числе экономики и политики. Говоря о соотношении права и экономики, Вебер отмечает значительную степень автономии правовой сферы. Он пишет в этой связи: «Экономические ситуации не приводят автоматически к возникновению новых правовых форм, они лишь создают возможность распространения уже существующих правовых технологий» (Weber 1978: 687).

Основное внимание Вебер уделяет правовым предпосылкам формирования современного промышленного капитализма. Важнейшим условием развития капитализма выступает система рационального бюрократического управления с четко установленными правовыми нормами. Согласно Веберу, промышленный капитализм должен иметь возможность рассчитывать на постоянство, надежность, объективность правового порядка и на рациональное, предсказуемое функционирование административных учреждений. С точки зрения немецкого социолога, «современный рациональный промышленный капитализм в такой же степени, как в исчисляемых технических средствах производства, нуждается в рационально разработанном праве и управлении на основе твердых формальных правил» (Вебер 1990: 54).

Как отмечает Вебер, рациональное право европейских государств берет свое начало от римского права. Однако Вебер не принимает точки зрения, согласно которой принятие римского права являлось причиной возникновения капитализма. Как показывает пример Англии, рецепция римского права не являлась необходимым условием успешного развития капиталистического хозяйства. Кроме того, многие экономические институты современного общества впервые возникли в период Средневековья, а не в Античности. По мнению Вебера, важнейшим следствием принятия римского права в странах Западной Европы было то, что оно способствовало распространению формально-юридического мышления. В конечном счете «союз между государством и формальной юриспруденцией косвенно содействовал развитию капитализма» (Вебер 2001:310).

Взаимосвязь между правом и политическими структурами определяется тем, что существование права зависит от наличия аппарата принуждения. Как подчеркивает Вебер, право представляет собой такой порядок, который «внешне гарантирован возможностью (морального или физического) *принуждения*, осуществляемого *особой группой* людей, в чьи непосредственные функции входит охранять порядок или предотвращать нарушение его действия посредством применения силы» (Вебер 1990: 640).

Примером воздействия политических институтов на правовую систему служит для Вебера, в частности, становление западноевропейских абсолютных монархий. В период абсолютизма политическая централизация способствует систематизации и унификации правовых норм на территории данного государства. В этой связи Вебер также сопоставляет историю правовых институтов в Англии и континентальной Европе. Если английская правовая система формировалась в условиях постепенного ослабления монархической власти, то в других европейских странах влияние королевского абсолютизма на сферу правовых отношений неуклонно росло (Weber 1978: 724).

Характеризуя своеобразие западных политических институтов, Вебер указывает, что в странах Запада в роли высших государственных чиновников и политических советников монархов, начиная с позднего Средневековья, выступают главным образом получившие университетское образование юристы. Именно этот слой во многом определил своеобразие

западной политической истории. В европейских монархиях «тенденция к рациональному государству повсюду имела носителем квалифицированного юриста» (Вебер 1990: 664). Согласно Веберу, господство легального типа впервые возникает на Западе с победой «формалистического юридического рационализма» (Вебер 1994: 71).

В западном вебероведении социология права М. Вебера не обсуждалась столь подробно, как другие разделы его социологии. Даже в том случае, когда тот или иной исследователь пытался дать целостную характеристику всего теоретического наследия Вебера, социологии права обычно не уделялось значительного внимания. Так, Р. Бендикс обращался преимущественно к веберовской социологии религии и политики (Bendix 1966), В. Моммзен рассматривал главным образом политическую теорию Вебера (Mommsen 1992), а Ф. Тенбрук — проблематику социологии религии (Tenbruck 1989). В работе С. Кальберга, посвященной веберовской сравнительно-исторической социологии, анализируется широкий круг проблем, но историческое развитие права не рассматривается (Kalberg 1994).

Среди ведущих представителей вебероведения, по-видимому, лишь В. Шлюхтер в полной мере раскрывает особенности подхода Вебера к анализу исторических форм права. Наиболее полная реконструкция веберовской социологии представлена в работе Шлюхтера «Развитие западного рационализма. Анализ истории общества Макса Вебера»*. По мнению Шлюхтера, Вебер не стремился создать универсальную историческую социологию, охватывающую всю мировую историю (Schluchter 1985: 10). Исследование незападных культур проводилось им с точки зрения решения основной проблемы: определить своеобразие западного рационализма и объяснить его развитие. Как указывает Шлюхтер: «Вебер разработал многомерную макросоциологическую теорию для исторического анализа основных социальных форм с точки зрения как эволюционного, так и сравнительного подхода. Используя его собственный термин, можно назвать такой подход “историей развития”. В принципе, существует не одна история развития, а несколько. Вебера интересовала история развития Запада. Наша задача состоит в том, чтобы извлечь ее из его работ. Это требует новой интерпретации, которая следует за веберовской постановкой проблемы, не принимая полностью предложенного им решения. Такая интерпретация стремится к тому, чтобы дать более точный ответ без отказа от основы первоначального решения» (Ibid: 5).

Концепция Шлюхтера ориентирована на то, чтобы систематизировать идеи Вебера, многие из которых не получили последовательной разработки. Этот ученый рассматривает разработанные Вебером идеально-типические модели в эволюционной перспективе, позволяющей охватить развитие соответствующих явлений и процессов. Тема рационализации различных сторон западного общества раскрывается им на основе анализа веберовских трудов по социологии религии, права и политики.

Согласно интерпретации Шлюхтера, в веберовской социологии рационализация правовой процедуры и оснований права «исторически взаимосвязаны, но должны быть разделены аналитически. В то время как правовая процедура становится более логичной, основание права становится более абстрактным и универсальным» (Ibid: 100). Кроме того, в результате процесса рационализации основание права образуют юридические, а не религиозные, моральные или политические принципы. Шлюхтер проводит параллель между анализом «расколдовывания» мира в социологии религии Вебера и анализом рационализации в правовой сфере (Ibid: 96). Данная параллель рассматривается и в работах других интерпретаторов веберовской социологии (Treiber 1985).

* Первое немецкое издание данной работы вышло в свет в 1979 г. Вскоре появился английский перевод. В 1998 г. книга вышла карманным изданием во Франкфурте-на Майне «под несколько измененным названием, но с тем же содержанием» (Шлюхтер 2004: 25). В настоящее время эта работа по-прежнему считается одной из наиболее значимых в вебероведческой литературе.

Современные исследователи нередко отмечают, что встречавшееся в социологической литературе понимание рационализации как неуклонного, необратимого процесса, в чем-то подобного закону общественного развития, противоречит исходным теоретическим установкам Вебера, отрицавшего существование непреложных исторических законов, и не соответствует веберовскому представлению о многообразии форм и направлений рационализации (Weiss 1987). Процесс рационализации может характеризоваться внутренними противоречиями и конфликтами различных типов рациональности.

В. Шлюхтер рассматривает в этой связи конфликт между формальной и материальной рациональностью в веберовской социологии главным образом на примере соотношения этики и права. Как полагал Вебер, для материального права характерно отсутствие четкого разграничения этических и правовых норм либо преобладание этических норм. Такая ситуация имеет место в традиционном и естественном праве. В отличие от этого, формальное право характеризует либо совпадение формы и содержания (харизматическое право), либо функциональная дифференциация этики и права (позитивное право).

Как указывает Шлюхтер, в результате процесса дифференциации этическая и правовая сферы приобретают автономию и возможность до некоторой степени свободно выбирать способ взаимодействия между собой. Но эта возможность реализуется лишь в том случае, если этика становится этикой ответственности (Вебер 1990: 696–697, Шлюхтер 2004: 42), а право — позитивным. Противоречия, возникающие между этикой убеждения и позитивным правом, оказываются непреодолимыми.

Однако Вебер, с точки зрения Шлюхтера, не проводит достаточно четкого разграничения между этикой убеждения и этикой ответственности, когда речь идет о взаимодействии этической и правовой сфер. В результате возникает дилемма: «мы имеем материальные этические постулаты либо процедурно-позитивное право, ценностную рациональность либо инструментальную рациональность, легитимацию, основанную на естественном праве, либо легальность, основанную на позитивном праве. Почти вся вторичная литература о Вебере, апологетическая и критическая, оказалась в ловушке этой ложной альтернативы» (Schluchter 1985: 105). Сам Шлюхтер считает необходимым преодоление этой альтернативы, что позволит в полной мере осознать «всю глубину веберовского диагноза нашего времени» (Ibid: 105).

В американской социологической и правовой теории высказывались разнообразные оценки веберовской социологии права. Как отмечает Д. Трубек, подобно многим классическим работам, веберовские тексты «чаще цитировались, чем изучались» (Trubek 2001: 122). Тем не менее, в 1980–90-е гг. наблюдается значительный рост интереса к социально-правовой теории Вебера.

Э. Кронман исследовал, каким образом разработанная Вебером методология социальных наук воплотилась в его социологии права (Kronman 1983). С. Тернер и Р. Фактор рассмотрели влияние правовых теорий на формирование веберовской социологии (Turner, Factor 1994).

Наиболее последовательным критиком социально-правовой теории Вебера выступает американский правовед Г.Дж. Берман. Этот исследователь постоянно стремится выявить недостатки и пробелы в данной теории. Характерным является название главы в одной из основных работ Бермана: «Некоторые ложные предпосылки социологии права Макса Вебера» (Берман 1999: 279–293). В целом Берман не отрицает значения веберовских идей для правовой теории. При этом он отмечает: «В том, что Вебер отказался от марксистской концепции экономического детерминизма... подчеркнул уникальность “универсальной важности и значимости” истории Запада, включая историю западного права, проявилось влияние первоначального юридического образования Вебера» (Берман 1998: 522). Однако, по мнению Бермана, хотя Вебер и преодолел экономический материализм, но, по крайней мере в своей социологии права, он стоял на позициях «политического материализма». Согласно этой

точке зрения, Вебер «связывал основополагающие причинные факторы в истории... с политикой, а не с экономикой... В конечном счете, Вебер объяснял и идеи, и право политикой, а саму политику — господством и принуждением» (Берман 1998: 527).

Такая интерпретация существенно отличается от преобладающих в современном вебероведении взглядов на характер веберовской социологии. В прошлом Вебера гораздо чаще упрекали в «идеалистическом» истолковании истории. Но с началом «веберовского ренессанса» нередко подчеркивалось, что Вебер придавал равное значение как экономическим и политическим, так и культурным факторам социальных изменений. Среди современных исследователей «политический материализм» веберовской теории выделяет прежде всего Р. Коллинз (Collins 1986), который, однако, считает такой подход скорее преимуществом социологии Вебера.

Какие же основные недостатки обнаруживает Берман в веберовской теории? Прежде всего, американский исследователь подвергает критике веберовский анализ происхождения и развития западного города. По его мнению, Вебер недооценил роль права и религии в развитии западного города. С точки зрения американского правоведа, Вебер не сделал вывода о том, что «возникновение городских вольностей на Западе было частью революционных религиозных перемен, в ходе которых, с одной стороны, церковная политика провозгласила свою независимость от всех светских политических образований, а с другой — впервые было выработано само понятие светских политических образований» (Берман 1998: 575).

В одной из своих новейших работ, написанной в соавторстве с Ч. Рэйдом, Берман расширяет перечень критических замечаний в адрес веберовской теории. Как указывают Берман и Рэйд, Вебер недооценил значение канонического права для развития западных правовых понятий и институтов. Такая недооценка отражала взгляды, преобладавшие в его время среди историков права (Berman, Reid 2000: 230). Тем не менее, следует отметить, что в «Хозяйстве и обществе» Вебер дает общую характеристику западноевропейского канонического права, подчеркивая значительную степень его рационализации по сравнению с другими системами священного права (Weber 1978: 828–831).

Г. Берман неизменно подчеркивает роль средневековых институтов в формировании западной правовой традиции. Особо он выделяет значение «Папской революции» XI–XII вв., которая рассматривается им как «громкий сдвиг власти и авторитета как внутри церкви, так и в отношениях между церковными и светскими властями» (Берман 1998: 106), для последующего политического и правового развития западных обществ. Однако, как указывает В. Шлюхтер, Вебер планировал осуществить более подробный анализ средневекового католицизма. Задуманная Вебером работа о западном христианстве должна была заполнить пробел между его работами, посвященными анализу древнего иудаизма и протестантской хозяйственной этики. Как пишет Шлюхтер, в этом исследовании «несомненно, уделялось бы значительное внимание формированию католической церкви — на взгляд Вебера, первой рациональной бюрократии в мировой истории — и ее отношениям не только с движениями ортодоксальных религиозных виртуозов, но также с феодальными, сословными и городскими политическими властями» (Schluchter 1996: 199). Очевидно, что проблема нередко заключается не в недостатках веберовской социологии, а в том, что многие планы Вебера остались нереализованными.

Берман и Рэйд обнаруживают определенные недостатки в веберовском анализе английских правовых институтов. Они подчеркивают, что Вебер считал современное ему английское право главным образом продолжением средневековых традиций. С точки зрения Вебера, по степени формальной рациональности английское право существенно уступало континентальному. Однако, по мнению Бермана и Рэйда, Вебер не уделил должного внимания некоторым рациональным чертам английских правовых институтов (Berman, Reid 2000: 230–231).

Американские правоведы указывают на неоднократно обсуждавшуюся комментаторами проблему: Англия стала первой страной, где получил значительное развитие рациональный промышленный капитализм, хотя правовая система этой страны не обладала рядом формально-рациональных характеристик. Однако для Вебера данный пример служил подтверждением неоднозначности процесса рационализации в различных сферах социальной жизни. Проблемой этот пример стал скорее для тех комментаторов, которые характеризовали рационализацию как некую единообразную тенденцию, подобную закону общественного развития. Как уже отмечалось, веберовское понимание рационализации было совсем иным. В целом значение «английской проблемы» Вебера было явно преувеличено комментаторами. По мнению британского ученого Р. Коттерела, с позиций собственной теории Вебера данная проблема вполне разрешима (Cotterrell 1992: 154).

Еще одно критическое замечание американских исследователей связано с тем, что Вебер не осуществил подробного анализа правовых систем незападных обществ, в том числе Индии и Китая. Примеры из истории этих систем использовались им главным образом как иллюстративные. Правда, Берман и Рэйд оговариваются, что следует различать общую социологию права Вебера и его социологию западного права, разработанную более детально и последовательно (Berman, Reid 2000: 231).

Г. Берман признает, что веберовский анализ эволюции западных правовых институтов во многом подтверждает выводы современных исследователей. Как указывает американский правовед, Вебер обратил внимание на целый ряд основополагающих фактов: «борьба за инвеституру конца XI – начала XII столетия заложила основу для разделения церкви и государства; новое каноническое право XII столетия было первой современной западной правовой системой; взаимность прав и обязанностей сеньора и вассала отличала западный феодализм от феодализма в других обществах; западный город, начиная с XII столетия, был уникален, предоставляя своим гражданам конституционные права» (Берман 1998: 526).

Несмотря на это, Берман продолжает считать, что социология права Вебера «в целом ошибочна» (Берман 1999: 284). Если В. Шлюхтер стремится систематизировать и развить веберовские идеи, то Г. Берман прежде всего пытается выявить недостатки теории Вебера, нередко преувеличенные или мнимые, чтобы обосновать свою собственную концепцию развития западного права. В конечном итоге подход Шлюхтера представляется более плодотворным.

В российской социологической и юридической литературе веберовская социально-правовая теория не стала пока предметом систематического анализа. Прежде всего следует отметить, что веберовской социологии права не уделялось существенного внимания в публикациях отечественных юристов. Например, В.В. Лапаева характеризует веберовскую концепцию капитализма и типологию господства с точки зрения их значения для социологии права, но собственно социально-правовая теория Вебера при этом не упоминается (Лапаева 2004: 99–105). Не удивительно, что тот же автор выдвигает тезис об отсутствии в работах классиков социологии, включая Вебера, «теоретически разработанной концепции социологии права в качестве отдельной отрасли общей социологии» (Там же: 3).

В отечественной социологической литературе в ряде случаев проводилось сопоставление теории Вебера и идей российских теоретиков права. Так, Ю.Н. Давыдов осуществил сравнительный анализ работ Вебера и Б.А. Кистяковского, но рассмотрел при этом их взгляды по проблемам методологии социальных наук, а не социально-правовые теории (Давыдов 1998: 150–190). Вместе с тем ряд ученых обращались к анализу веберовских статей о русской революции 1905 г., в которых затрагивались и правовые проблемы (Кустарев 1990; Давыдов 1992; Шпакова 2003). В работах отечественных социологов анализировалась на основе веберовской теории и проблема соотношения легитимности и права (Шпакова 1997: 203–204).

А.Н. Медушевский в своем сравнительно-историческом исследовании эволюции российского конституционализма предлагает своеобразную интерпретацию некоторых веберовских идей, рассматривая возможность применения этих идей для характеристики политического режима, существовавшего в России в различные исторические периоды. В исследовании Медушевского важное место занимает анализ понятия «мнимого конституционализма», которое используется Вебером в статьях о революции 1905 г.

С точки зрения Медушевского, мнимый конституционализм представляет собой особую политическую форму, возникающую в процессе перехода от монархического абсолютизма к правовому государству. Как подчеркивает этот ученый: «В широкой исторической перспективе мнимый конституционализм противостоит абсолютистским монархиям, с одной стороны, правовому государству — с другой. От первого он отличается прежде всего своей конституционной формой, представляя собой в этом смысле известный шаг вперед по пути рационализации и бюрократизации управления; от второго — иллюзорным характером тех правовых гарантий, которые определяют его форму. От подлинной конституционной монархии он отличается не столько формой, сколько содержанием — реальным механизмом власти и управления, позволяющим монарху осуществлять всю полноту власти вне системы социального контроля (или при минимальном и формальном контроле). Можно, поэтому, определить явление мнимого конституционализма как одну из разновидностей авторитаризма нового времени, точнее — исторически первую форму такого авторитаризма» (Медушевский 1997: 201).

Согласно Медушевскому, черты мнимого конституционализма в определенный исторический период наблюдались в некоторых европейских странах и прежде всего — в Германии. В России система мнимого конституционализма стала результатом изменений в структуре государственного управления, произошедших под влиянием революции 1905 г. Примеры мнимого конституционализма Медушевский обнаруживает и в ряде азиатских стран, рассматривая политические режимы Японии, Персии и Афганистана конца XIX — начала XX вв. Как полагает Медушевский, широкое распространение мнимого конституционализма может свидетельствовать о закономерности данного явления. Этот исследователь приходит к выводу, что в той или иной форме мнимый конституционализм «является своего рода закономерной стадией политической трансформации всякого традиционалистского авторитарного режима» (Медушевский 1997: 204).

Предложенная Медушевским интерпретация понятия мнимого конституционализма, несомненно, представляет значительный интерес для сравнительно-исторической социологии. Однако необходимо учитывать тот факт, что теоретический статус этого понятия в работах Вебера не является четко определенным. Данный термин используется лишь в веберовских политических статьях, но он никак не соотносится с системой категорий, представленной в «Хозяйстве и обществе». В работах зарубежных ученых, посвященных веберовской конституционной теории, это понятие также не упоминается (Turner, Factor 1987). Вероятно, следовало бы более подробно рассмотреть данное понятие в контексте всей политической и правовой теории Вебера.

В то же время в работах отечественных ученых высказывались и иные точки зрения относительно характера политических и правовых институтов дореволюционной России. Б.Н. Миронов считает, что развитие институтов государственной власти в России периода империи в целом происходило в направлении правового государства. Опираясь на веберовскую типологию господства, этот исследователь подчеркивает, что в России постепенно утверждалась легальная форма власти (Миронов 2000: 151–152). Миронов не разделяет точки зрения тех ученых, кто считал политический строй, установленный в России после 1905 г., мнимым конституционализмом. По его мнению, в этот период Россия де-юре

превратилась в конституционную монархию. Вместе с тем Миронов признает, что российская монархия начала XX в. была еще далека от идеального типа правового государства.

Веберовская социально-правовая теория, по-видимому, может быть успешно использована в исследованиях, посвященных исторической социологии дореволюционного российского общества. Можно предположить, что некоторые элементы этой теории применимы и к изучению правовой системы, сложившейся в нашей стране в советский период. Как показывают исследования ряда зарубежных ученых, обращение к теоретическим моделям веберовской социологии политики позволяет по-новому взглянуть на формирование и динамику советского политического режима (Масловский 2001). Кроме того, представляют интерес попытки использовать понятия социологии религии Вебера для анализа советской системы (Ригель 2002). Однако в трудах зарубежных ученых правовые институты российского и советского общества не рассматривались достаточно подробно с позиций веберовской социологии.

В работах отечественных исследователей теоретические модели веберовской социологии права не получили пока широкого применения. Значительно большее внимание уделяется российскими учеными основным понятиям политической социологии Вебера. Кроме того, следует отметить, что современные интерпретации веберовских идей, предложенные западными социологами, в отечественной литературе представлены явно недостаточно. Тем не менее, веберовская социологическая теория может оказать существенное влияние на дальнейшее развитие отечественной социологии права.

Литература

- Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Вебер М. История хозяйства. Город. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001.
- Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Россия // СОЦИС. 1992. № 3.
- Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998.
- Кустарев А. Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии. 1990. № 8.
- Лапаева В.В. Социология права. М.: Норма, 2004.
- Масловский М.В. Исследования советского общества в неовеберовской исторической социологии // Социологический журнал. 2001. № 4.
- Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 2.
- Ригель К.-Г. Ритуалы исповеди в сообществах виртуозов. Интерпретация сталинской критики и самокритики с точки зрения социологии религии Макса Вебера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Том V. № 3.
- Шлюхтер В. Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 2.
- Шпакова Р.П. Легитимность и демократия. Уроки Вебера // Макс Вебер, прочитанный сегодня: Сб. статей / Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997.
- Шпакова Р.П. Макс Вебер о становлении демократии в России // СОЦИС. 2003. № 3.

- Bendix R. Max Weber: An intellectual portrait. London: Methuen, 1966.
- Berman H., Reid Ch. Max Weber as legal historian // The Cambridge companion to Weber / Ed. by S. Turner. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Collins R. Weberian sociological theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Cotterrell R. The sociology of law: An introduction. 2nd edition. London: Butterworths, 1992.
- Kalberg S. Max Weber's comparative-historical sociology. Cambridge: Polity Press, 1994.
- Kronman A. Max Weber. Stanford: Stanford University Press, 1983.
- Mommsen W. The political and social theory of Max Weber. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Schluchter W. The rise of western rationalism: Max Weber's developmental history. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Schluchter W. Paradoxes of modernity. Culture and conduct in the theory of Max Weber. Stanford: Stanford University Press, 1996.
- Tenbruck F. The problem of thematic unity in the works of Max Weber // Reading Weber / Ed. by K. Tribe. London: Routledge, 1989.
- Treiber H. «Elective affinities» between Weber's sociology of religion and sociology of law // Theory and Society. 1985. Vol. 14. No. 6.
- Trubeck D. Max Weber's tragic modernism and the study of law in society // Sociological perspectives on law / Ed. by R. Cotterrell. Aldershot: Ashgate, 2001. Vol. 1.
- Turner S., Factor R. Decisionism and politics: Weber as constitutional theorist // Max Weber, rationality and modernity / Ed. by S. Lash, S. Whimster. London: Allen and Unwin, 1987.
- Turner S., Factor R. Max Weber: The lawyer as social thinker. London: Routledge, 1994.
- Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University of California Press, 1978.
- Weiss J. On the irreversibility of western rationalization and Max Weber's alleged fatalism // Max Weber, rationality and modernity / Ed. by S. Lash, S. Whimster. London: Allen and Unwin, 1987.